

— В моей жизни был такой случай, — рассказывает Александр Абдулов. — Во время спектакля у меня на сцене возникло ощущение такого взаимопонимания со зрительным залом, как будто там сидел только один человек — мой друг. Казалось, скажи я тогда зрителям: «Встаньте!» — и все встали бы. Может быть, повторю, мне это показало. Но, играя свою первую большую роль — Плушкина в спектакле «В списках не значился», я понял по-настоящему, что такое призвание актера.

Потом в моей жизни было всякое и будет, наверное, всякое. Но тот миг я

уже не забуду. Ради него стоит жить и страдать. Даже сейчас, вспоминая тот спектакль и ту бессонную ночь после него, я легко воспроизвожу в себе пережитое ощущение. Это было похоже на полет птицы.

...Мой педагог Раевский любил повторять: если вы думаете, что пришли учиться на артиста, то ошибаетесь. Учиться на артиста нельзя. Даже Станиславский, артисты долго и мудро в своей книге объясняют, как стать настоящим артистом, в конце приходит к выводу: все то, что он сказал, актуально только для талантливых людей.

— АЛЕКСАНДР, мы так часто говорим о загадочной природе актерского дарования, что иногда сознательно покрываем тайной какие-то совершенно явные вещи. Скажем, удача или неудача одного и того же актера или режиссера. Конечно, для того чтобы не разрушать гармонию и поэзию, мы можем сказать, что не ошибается тот, кто не работает, что видимая неудача — это иногда еще невидимая большая удача впереди. Но ведь на самом деле все не совсем так. Талант порой изменяет актеру. По каким-то своим законам он может покинуть своего обладателя — и что тогда остается делать?

— Это, пожалуй, иллюзия, что могут сработать профессионализм об руку с актерским дарованием и что можно работать одинаково хорошо при любых условиях. Иногда я иду на спектакль после тяжелой съемки, после утомительного жизненного периода и думаю: сыграю-ка я сегодня вполсилы. Но выхожу на сцену и чувствую, как вдруг нажимается какая-то кнопка и что-то такое с тобой происходит: все то, на что были потрачены силы, теряет смысл. Главное происходит здесь, сейчас, и ты не просто играешь, ты рвешь на части свою душу. Слава богу, я пока не знаю, что такое измена таланта. Но часто думаю о том, что это может быть. Вот, скажем, с Евгением Павловичем Леоновым этого быть не может. Со мной может. Ведь никакой теоретик не способен объяснить, почему, если на сцену выходит Леонов, зал либо смеется, либо рыдает. Я сам раз 20 смотрел «Дети Ванюшина» с его участием и всякий раз плакал, как ребенок.

— Не думаете ли вы, что это тот самый случай, когда большой актерский, жизненный опыт и огромное нравственное содержание личности помогли человеку стать властителем своего таланта, а не наоборот?

— Вот вы сказали: жизненный опыт. Если говорить строго по большому счету, у меня его нет. Сейчас мне 35 лет. Те, кому сейчас 40—45 лет, помнят XX съезд, перемены, болезненное возвращение народа к свободе и правде. А мы воспитывались и обучались в какой-то бесконфликтной, серой, пустой, местами подлакированной атмосфере. А сейчас нам говорят: надо все начать сначала. Срочно давайте по-другому. Ну а как по-другому? Кроме того, что наш мозг уже запрограммирован на какой-то уровень свободы (и сам этот уровень именно свободу и ограничивает), в нас еще бродит чувство недоверия, скептицизма. Нам нужны какие-то гарантии, что сегодня все говорят правду.

— В спектакле «Диктатура совести» у вас три характерные роли: персонаж «Бесов» Достоевского, главарь фашистской банды, веселый и безмозглый внук закоренелого сталиниста. Вы играете так точно, так ярко, с таким злым любопытством, как будто вас направляет интуиция даже не одного опытного человека, а многих. У вас нет сомнений в том, что вы сыграли — и очень образно, выразительно — именно то, против чего мы сейчас боремся: диктатуру силы, злоупотребление властью, приспосабличество и потребительство?

— В этом, конечно, у меня нет сомнений. Чем мы можем все это заменить? Что именно мы можем дать обществу для того, чтобы снять у себя внутреннее ощущение потерянного поколения? Как нам включиться в нужный час и в нужном направлении в жизнь страны? Ведь все это зависит не только от нас, и это понятно. Нам нужны и драматурги, и режиссеры. Я белой завистью завидую Олегу Янковскому, потому что у него в кино есть свой режиссер — Роман Балаян. Я восхищаюсь Балаяном.

— Я ведь тоже у него снимался в фильмах «Попелуш», «Храни меня, мой талисман», «Филёр»...

— Снимался. И разговаривал, и общался с ним вроде бы нормально. Но все равно, мне постоянно казалось, что я стою на другой ступеньке. Иногда из-за этого даже чувствовал какой-то зажим.

Два последних фильма Романа Балаяна вызвали у многих зрителей и критиков некоторых разочарование. Моей задачей не является сейчас анализ этих картин. Могут только заметить, что принадлежу и тем поклонникам режиссера, которым в этих двух картинах не хватило глубины режиссуры и драматургии. Но как живо и естественно выделился Александр Абдулов! Уж никак не скажешь, что это человек с комплексом и крупной психиной. И в той и в другой роли я увидела настоящего мастера, сильного, опытного человека, который точно знает, что и зачем он говорит. Видимо, в этом и есть парадокс актерской профессии: играя для всех, человек даже на экране не может отстраниться от своего внутреннего ощущения, увидеть себя посторонним взглядом.

— И все-таки, Александр, мне хотелось бы для себя выяснить: вы считаете актерскую способность перевоплощаться, возрождаться после падений, собираться в минуты душевно-

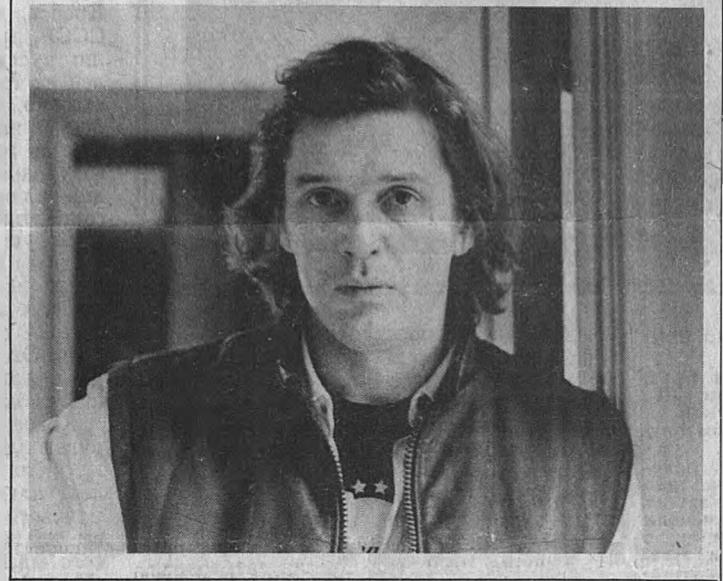
го разлада — силой или слабостью? Я объясню, почему у меня возникла мысль о слабости. Вы все время говорите о своем подчинении спектаклю, режиссеру, какому-то внутреннему приказу. В таком случае можно сделать вывод, что, оставшись один на один с собой, вы просто можете лишиться своего дара...

— Это так и не так. Мы слишком чутко, слишком нервно реагируем на все происходящее. С одной стороны, это психотренинг, помогающий возрождаться, с другой — мы по-настоящему расшатываем свою психику. Гротовский сказал: что-то выдающееся может совершить только больной человек, поскольку эталон здоровья — это корова.

Когда я впервые увидела Абдулова на сцене Театра имени Ленинского комсомола, то была поражена, хотя не раз уже встречалась с ним на экране.

Наш собеседник — А. АБДУЛОВ

МОЙ ДРУГ — ЗРИТЕЛЬ

Я поняла, что он не просто «кинозвезда», а тот самый актер, чье присутствие на сцене — подарок для зрителя. Маниера игры, живые и непосредственные реакции выделяют его из ряда самых сильных актеров. Я уже говорила о «Диктатуре совести». То же самое происходит и в «Гамлете», и в «Карманном театре». А уж в «Оптимистической трагедии» в роли Сиплого Абдулов для зрителя совершенно неожиданный сюрприз.

— Александр, «Оптимистическую трагедию» играют десятки лет многие театры. Каких только Сиплых не перевидали мы. Из них запомнились те, которые не похожи друг на друга: для меня это — Олег Борисов в спектакле БДТ и вы — Александр Абдулов. Кто подсказал вам рисунок роли в данном случае?

— Так получилось, что, когда художник по костюмам принес на репетицию одежду этакого романтического героя, я не согласился. Мне показалось, что все это не то. Я увидел себя в кителе с зализанными волосиками, и мне даже не пришлось особенно сипеть, поскольку я и так уже был противником самому себе. Мне показалось, что Сиплого должна выделить одна странная черта — аккуратность. Марк Захаров посмотрел и сразу же сказал: убедил!

Абдулов — Сиплый в «Оптимистической трагедии». Зрителю, не видевшему его в этой роли в театре, даже трудно представить, каким может быть Абдулов, созданный, как иногда кажется, только для ролей героев-любовников. У его Сиплого нет возраста. Есть только какие-то гнусные приметы, повадки, циничные шуточки. И как всегда играет с большими актерами, играющими роли злодеев, негодяев, у него есть обаяние, канаято сила, которая одновременно оттапливает и притягивает, становится атмосферой, внутренней жизнью этого нелепого, страшного, опасного человека. Когда Абдулов играет Сиплого — это не перевоплощение. Это дуэт. Антер не исчезает. Он становится двойником. Он что-то диктует, что-то подсказывает, что-то напоминает, от чего-то удерживает, а его актерская суть становится светлым фоном, на котором виднее грязное пятно.

— Александр, вы, очевидно, не можете не чувствовать, что ваша театральная карьера не совпала с карьерой в кино. Я имею в виду творческий рост.

— Да, в кино меня часто приглашают, используя только фактуру, внешние данные; режиссеры кино не знают меня как театрального актера. И не только меня. Атри — им хватает своих забот. Снимая фильмы обо всем, часто знакомаясь с жизнью лишь по сценариям.

Когда я узнал, что снимается фильм «Успех» о провинциальном театре, мне овладил по ночам. Я ведь родился в семье провинциального режиссера, в Фергане. Провинциальный театр — это мое детство. И воспоминание это для меня настолько дорого, что я не забыл мелочей. Поэтому, посмотрев готовый

фильм «Успех», я был просто убит возможностью такой, на мой взгляд, «липы».

— И все же у вас есть режиссер в кино, которого вы предпочли бы другим?

— Сейчас начинаю сниматься у Р. Балаяна в фильме «Леди Макбет Мценского уезда». Закончил работу у М. Захарова в фильме «Убить Дракона» и очень стараюсь не сниматься у плохих режиссеров в плохих сценариях. Надоело самому себе строить роль на пустом месте.

— А у вас нет такого профессионального страха: часто отказывая режиссерам, актер может быть забыт в кино?

— Я не думаю, что на свете есть актер, который бы чего-нибудь не боялся. У меня есть свой страх: боюсь пропустить время. Например, пять лет назад я получил роль Глумова в намечавшемся то-

гда спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». И был счастлив все эти пять лет. Но так получилось, что постановка была задержана и только, по-видимому, сейчас осуществится. Но играть я уже не буду, потому что состарился. Представьте себе, каково мне, актеру, который пять лет жил какой-то ролью в надежде донести ее до сцены, выучил всю пьесу наизусть, теперь узнать, что играть эту роль не буду.

— Вы сказали, что снялись в фильме «Убить Дракона». А в театре у вас есть новые роли?

— Мы закончили репетировать оригинальную пьесу Г. Горина по мотивам произведений Шолом-Алейхема. Драматург свел двух главных героев произведений Шолом-Алейхема — Тевье и Менахэма. Евгений Леонов — Тевье, а Менахэм — я. Играть с Леоновым — это особый период в жизни актера. Евгений Павлович глубоко внедряется в текст, ему важно знать и общий рисунок спектакля, важно и понимать партнера, знать, что тот его не подведет, не скалтурит... Таких учителей мало. Причем он не делает скидку на то, что моя, скажем, роль «самоигральная». Она страшна смешная. И в то же время какая сложная задача — сыграть такой странный, буйный, несчастливый и романтический характер.

— Сейчас много говорят о кризисе в театре. Что вы думаете по этому поводу?

— Какие-то беды коснулись и нашего коллектива. И все-таки нам пока везет. Театру 16 лет (имею в виду — под руководством Захарова), а он жив. Именно жив, а не реанимирован. Мы любим быть вместе, часто собираемся. У нас, например, есть своя футбольная команда. Причем Захарову хватало мудрости ради футбольного матча отменить репетицию. Возможно, делает он это, когда замечает какую-то трещину в отношениях, в настроении коллектива. Но то, что мы можем собраться по 15 человек вместе, — великий показатель.

— Вы говорили так о своем возрасте, как будто у вас позади множество ролей, которые вы уже никогда не сыграете. Но о чем вы все-таки мечтаете?

— Я хотел бы в кино сыграть клоуна. Смешного и мудрого человека, который способен разлушить чью-то беду именно потому, что он смешной и мудрый. Я имею в виду характер, а не название персонажа. Ведь в жизни есть такие счастливые люди, которые видят дальше и больше, чем все остальные, и которые способны нас рассмешить, когда нам хочется плакать.

Вела беседу
Г. СИНЕЛЬНИКОВА.
Фото В. Кругликова.